

Вторая главная глава

*ЕРМАКОВА (БЕЛОУСОВА) АННА
АВЕРЬЯНОВНА*

Портрет

На школьные деньги, которые давала мама из 25 рублей алиментов, я пыталась купить что-нибудь нешкольное. Тетради можно покупать реже, если писать помельче и поплотнее. Чернил хватит на дольше, если неважное писать карандашом. А карандаш можно сэкономить, если неважное вообще не писать. Не вспомнилось бы это через столько лет, если бы не портрет. Улыбающиеся мать и дочь озорно смотрят перед собой. Ничего, что глянец потускнел и бумага пожелтела. «На наш век хватит», - говорила мама.

И хватало.

Ездил по району фотограф с треножником и соблазнял всех увековечиться. Портреты, расставленные около него, нагло красовались новизной. И на них парами мужья да с женами. Одиночные редко заказывали, это и понятно. Одному фотографироваться - выгоды нет, когда за двоих та же цена. Я тогда подумала: "Они-то парами, а мама моя одна. Съэкономлю-ка я денег и закажу портрет: она и я. Чем не пара?» Эта идея не давала мне покоя. Съездила домой, подобрала фотографии - свою и мамину. Заказала. Экономлю деньги и жду. Портрет стоил 10 рублей, сразу десятку отдать не могу. Халва и конфеты-подушечки в какао пусть сладят рты другим, а я потерплю. Чтобы и без хлебушка не остаться, бежала в пекарню к дяде Косте - дальнему родственнику. Он давал мне хрустящие хлебные наросты с буханок.

- Сколько ни звал - не шла, а сейчас что? У мамки все хорошо?

- Нормально. Просто я люблю наросты, но раньше было далеко, а сейчас уроки делаю с Тamarой. - Вру быстренько, не моргнув и не

покраснев...

Месяца через два портрет был готов и деньги собраны. Победа! Положив портрет между двух фанерок, обернула шалью (боялась, чтобы не замёрз), обвязала верёвочками и аккуратно запихала в сумку. Сумку не за плечи повесила, а перед собой несла для уверенности. Как я бежала домой! Пятьдесят километров вроде бы не лежали передо мной, а бежали мне навстречу, сокращая путь под ногами. Мама уже ждала. Когда я приходила по субботам домой, она торопилась управиться с хозяйством заранее.

- Тороплюсь, доченька же придёт, нечего её ещё и с хозяйством колготить, пусть отдыхает, - с гордостью в голосе говорила она.

Это и понятно - никто из деревни не учился. Никто и не мог - деньги были только у нас. У них отцы, но без денег, а я без отца, но с алиментами.

Обнимаемся, целуемся. Ужин. Вопросы - ответы. И наступает минута открытия портрета, а это не хухры-мухры, приравнивается к открытию исторического памятника. Ставлю на стол и смотрю на маму... Шок!

- Сколько это стоить? - грозно интересуется она.

Я понимаю, что за деньги будет нагоняй и вру:

- Пять рублей. Всего. Только. Мало.

- Ты это от еды оторвала?

- Понемножку. Просто полгода собирала, -

выкручиваюсь и вру дальше, где уменьшая, где увеличивая.

- Больше дури такой не выставляй. Рубль за поварёшку цыганке отдала - это ещё куда ни шло, но пять рублей! - говорит и на портрет не смотрит.

Я встаю и молча иду спать. Замолчать для меня – значит спрятаться, уйти от обид и необходимости защищаться, залезть под свой колпак. Думаю, что это от безотцовщины. Слышу, как мама открыла сундук и закрыла, значит, портрет спрятала. Если б её спросили:

- Зачем спрятала?

Она бы ответила:

- Это вещь, её хранить надо и перед людьми нече шибко важничать. У их-то детей нет денег, чтобы сделать такой.

Утром солнечный зайчик от болтающейся створки потоптался туда-сюда по лицу и разбудил. У стола сидела мамина подруга-соседка, и мама ей тихо доверительно рассказывала:

- Ты представляешь, Енюшка, такие деньги уплатить?! - и вынимает портрет.

- Ой, Нюрушка, какие же вы красивые!!! Как же тебе повезло с дочкой, она завсегда о тебе заботится.

- Это, конечно, я понимаю, но как подумаю: "Пять рублей", - это ж такие деньги!

- Какие такие пять? Эти портреты десять стоят,

- проинформировала тётя Еня по доброте душевной.

Моя голова влезла поглубже в подушки.

- Обманула! - ахнула мама.

На что услышала достойный отпор:

- Ты, видать, насела на девку, и она сбрехала, чтоб тебя не расстраивать. Ты же как вчеписся: и долдонишь, и дол-донишь. Повезло тебе, повезло.

Она еще повторила "повезло" и пошла домой. Массивная наша дверь закрылась бесшумно. Мама посмотрела в мою сторону, убедилась, что я "сплю" и стала рассматривать портрет, бережно прикасаясь и нежно глядя натруженными пальцами моё лицо. На её же лицо ложилось умиротворение. Независимый критик Енюшка, спасибо тебе за спасение! Вдруг дверь отворилась с необычай-ной легкостью.

- Нюрушка, Енька говорила, про портрет. Покаж.

Всё, надо вставать. Начинается торжественное откры-тие исторического портрета.

Такими мы были, только одёжки с белыми воротничками нам нафантазировал фотограф.

Нюрушка

О таинственном рождении Нюрушки мы уже знаем. Ранние годы её были тепличными, боялись

за её жизнь, но держали в строгости. Из детства она вспоминала суровость матери, нежную любовь бати Аверьяна и бережное отношение и заступничество брата Кондрата. Тяжёлая крестьянская жизнь сибиряков диктовала свои права. Учиться некогда. Два класса закончила, читать, писать малость научилась и хватит. Остальному научит работа. Без неё мудрость не придёт.

Детских фотографий нет - раскулачили.

В четырнадцать отроческих лет рядом с Нюрой уже не было любящих защитников. Кулацкой дочке приходилось

с утра до ночи тяжело работать, чтобы прокормиться. За крынку простокваши белила целый день чужие дома. Известь разъедала руки, лилась на голову, в глаза, но это всё не чувствовалось.

Страх застил сильнее. Вдруг не справлюсь, вдруг не понравится и не заплатят. Кулацких детей по весне отправляли на мулё, очищать и сплавлять лес по реке. Такая работа в пору мужикам. Привезли Ньюрушку распух-шую, с

отёкшими, как колоды, ногами. Молоденькая бере-зка и невероятные тяжести. Закричала Финадора, завывала прилюдно, первый раз, не стыдясь слёз.

Выдюжила Нюра. Вошла в юность. Десять долгих лет мать и дочь – две незащищенные женщины, цеплялись за жизнь. Обе думали не о себе.

- Мне бы только Нюрушку поднять.

- Мне бы только маму уберечь.

Мать и дочь не только показали пример великой любви друг к другу. Но и вернули доброе имя роду своему. Обзавелись хозяйством, по-деревенски разбогатели, опять же на зависть ленивой голытьбе.

Забегу вперёд на несколько десятилетий. Нюрушка уже мать, уже с дочерью. Раскулачивание повторилось. Забрали все банковские деньги – северные, заработанные на вечной мерзлоте. Тихо забрали, без крови и ссылок. Безденежные и бесправные едут с украинской чужбины в Сибирь. Мать и дочь не только показали пример бережной любви друг к другу, но и вернули доброе имя роду своему. Обзавелись хозяйством, по-деревенски разбогатели, опять же на зависть ленивой голытьбе. Это не тавтология, а колесо истории страны, и мы в нём. Но это только пока сравнительное отступление.

Война. Именно в эти годы Нюрушке судьба дала мужа.

Кулацкую дочь приехал сватать за своего сына Семёна коммунист, активист по раскулачиванию - Сафонов Моисей. О нём надо сказать доброе слово. Именно он предупредил наших спрятать что могут, чтобы не погибли от голода. Это могло стоить ему жизни, но он уважение имел. Его сын вернулся после ранения на излечение домой. Жена умерла. Двое детей осталось (девочки трёх и пяти лет, кажется)

Невест – в избытке, но выбрали Нюрушку, она в свой род пошла: работящая, добрая, совестливая. Детям хорошей матерью будет. Да и в люди не стыдно выйти. Не яркая, но видная и статная. И в хороводе, как в огороде, не было ей равных. Небрежно забросит тугие косы за спину, взмахнёт длинными руками, как крыльями и на секунду замрёт. Прищёлкнув пальцами, словно сама себе команду даст, и пойдёт стройными ногами «Барыню» выбивать, под нескончаемый поток частушек. Если в доме были посиделки, то она брала гитару и пела. «Я о прошлом мечтать не желаю», «Вишнёвая шаль» мне запомнилась лучше всех песен. Пение завораживало, но только почему-то плакать хотелось. Может, пение очаровало Семёна, а, может, пляска. Женился. Девочки обрели тёплый дом, молодая жена старалась быть достойной своего мужа,

председателя сельсовета. Он бежал домой, ей не хотелось уходить из дома. Жили весело, но недолго. Баб-то много одиноких, задерживаться стал на работе.

Страшно подумать, что у девочек-сироток и было детство только один год. После выздоровления военное училище и фронт. Нюра осталась с его девочками и со своей под сердцем. С такой троицей вернулась в материнский дом, чтобы легче было. Хоть без мужчин, но уже с будущим. С фронта шли письма, посылки. Все были полны ожидания встречи, только Нюра не надеялась, вспоминая в такое трудное время их начинающей жизни сельсоветские измены.

Кончилась война. Кому радость, кому слёзы, а Нюрушке удар – медсестру муж забыл на фронте оставить, с собой привёз. Женой нарёк. Детей растащили по родне. Старшие ревут, за подол маму Нюру хватают. Родная ревет за компанию, ничего ещё не соображая. Сообразила подростки. И жалела, что отец не погиб на фронте. Была бы дочь погибшего героя, а так клеймо - брошенная дочь. Думается мне, не удалась его жизнь. Жалко. То ли любовь была со страстями, то ли какая-то тайна их объединяла, иначе нельзя объяснить. С ней успел родить двух дочерей. Первых по миру разогнали, а совместных холили.

Нужно было прожить на свете сорок лет, чтобы при случайной встрече отец сказал:

- Ты у меня удалась лучше всех. Моя гордость!

Слова возражения просились: «Это потому, что ты меня бросил». Но лежачего не бьют и не била.

А пока что в доме двух женщин подрастает третья. Мужчины по-прежнему нет. Из плена в деревню вернулся Иван Карпович Ермаков. Красавец парень! Только подпорченный туберкулёзом. Летом в кожанке пришёл в наш дом, а до того меня приручал. Сядет на нашей лавочке, посадит меня рядышком, и разговариваем разговоры пока мама не придёт с работы. Когда тебе три с небольшим, и в доме только бабы, а тут собеседник лично для тебя! Как тут не войти в ежеминутный жизненный восторг?! И очень скоро всех тянула за рукав в горницу:

- Идите к нам! Идите к нам! У нас в горнице лежит папка красивый!

До войны Иван был женат. Детей от него не было. Нюре это и надо было.

- Своих не будет, и мою не обидит.

Не обижал. Любил, жалел, гордился, а я гордилась им.

После войны работал он бригадиром на полеводстве. У всех пришедших с войны солдат была одинаковая одежда,

Карточка-пропуск
военнопленного на
заводе в Германии.

Таким он ушёл в
армию за год до
начала войны. А
таким
мотоциклистом я
помню его в детстве.

в ней они и работали. Как-то, объезжая поля, остановился в зарослях малины – ягода ломила ветки: крупная, спелая, рясная – тронь, и сыплется.

И в этой красоте ниоткуда появляется собака. Чтобы прогнать её, Иван встал в полный рост. За спиной раздался хлопок, дымок и боль. Медленно повернувшись, он увидел пригнувшуюся спину убегающего человека. Сил хватило вскарабкаться на коня и направить его к стану. Спасли. Простреленное лёгкое больше года лечил по больницам. В том, как он обошёлся со стрелявшим в него, была его жизненная суть.

По описанию собаки быстро определили хозяев, вернее, одинокую вдову с сыном, вернувшимся с войны целым и невредимым, но со злобой в сердце на другого своего односельчанина, с которым вместе воевал. Я уже писала, что все они были одинаково одеты в выцветшие гимнастёрки, вот «мститель» и перепутал святое с грешным.

Простил его Иван, пожалев мать, которая от тяжести жизни и поступка сына потеряла ощущение себя, сослался на собственное ротозейство на охоте, и суда не было. Было обещание: «возьму на себя затраты на лечение». И тут же снялся с места и уехал, с глаз главных

судей – жителей деревни. И обещание помахало рукой: вспоминай, как звали. «Бог с ним, ему жить с виной нелегко», - отмахивался выздоравливающий отец от вопросов.

Так-то так, но обидно за подорванное здоровье. Судьба улыбнулась – не умер в лагере, не посадили после плена, так на тебе, неожиданное зло набрело.

А за что садить-то было? За то, что в Польше громыхает война, а их, солдат, в Спасском Лутовинове ведут кино смотреть. Спать укладывают, а земля дрожит от снарядов. «Легли мы в одежде, только пришёл командир и раздел». Ранним рано немцы перешли границу и солдат в кальсонах с болтающимися подвязками, гоняли и улюлюкали над ними. Так начался плен, побег, побои. Вся спина исполосована, но ни один немец не тронул его пальцем, расписывали тело полицаи. В Германии из лагеря взяли здоровых работать на заводе – это было спасением, так как кормили и уже не избивали.

В конце войны всех согнали опять по лагерям, началось уничтожение голодом, холодом и теми же, да ещё изощрённое побоями. Освободили наши. К тому времени туберкулёз плотно приступил к ослабленному организму. Его определили временно, до разбирательства, малость подлечить в больнице. Тут интересное начинается. В палату к его сокоечнику пришёл из

воинской части друг, с которым он служил. Разговорились.

- Как ты сказал твоя фамилия?

- Ермаков.

- Послушай, братец, а у тебя есть брат Костя?

- Есть.

- Ты из Сибири?

- Да.

- И он сибиряк. Как твоё отчество?

- Карпович.

- Я узнаю у него, может, он твой брат. По тебе не узнаешь – высохший.

Через пару дней открывается палата, и входит возмужавший до неузнаваемости старший Иванов брат! Описывать встречу – слов не хватит.

Заручившись Костиным словом и подтверждением, Ивана Карповича выписали домой, а не в лагерь. Обидно бы было пройти такой ад и быть убитым дома. Господь спас.

До двенадцати моих лет он жил в деревне, а потом уехал на заработки. Стал первой ласточкой начала оттока людей из деревни, так как жизнь из трудной превратилась в невыносимую. Рабы устали быть рабами. Ни паспортов, ни денег, ни передышки. За многотерпение военные и послевоенные дети крестьян не имели права поступать учиться, пока не отработают в колхозе два года. Успокоили благодетели.

Сбежавший из колхоза отец баловал меня всем первым: первые чулки, первые часы, первые туфли, первые шёлковые трусики...

Подарки получать приятно, радостно, иногда огорчительно, но к светлым моментам последнее не относится, и говорить не будем.

Переписка, телефонные разговоры с папой были редкими. Чаще помнятся подарки. Один из них ни в какое сравнение не идёт с остальными. Осень ещё не вступила в свои права, а так только примеряется: то утренний заморозок подбросит, то плесканёт краской на только что зелёное дерево. Готовьтесь, мол, потом не обижайтесь, что не предупредила. В Сибири жить – природу слушать.

Одним ранним, осенним утром лежу в тёплой постельке, зажмуренно сон держу. Кто-то, вернее, что-то будит меня назойливо, а я, цепляясь за сон, не могу понять этого «кто-то, что-то». Мне приятно, но прерывать сон даже приятному нельзя, поэтому недовольно разжмуриваюсь. Ничего не вижу. Тикают ходики на стене. Кот лежит на припечке. Бабушка «у утра маленько сна урвала», так как ночами не спит. «Наверное, горшок зовёт», - подумала я, но не встала. Горшок с таким ароматом? Странно?

Любопытство опускает мои ноги, пола не достают.

Гляжу, стоят на мудрёно сколоченном ящике в

решёточку. Спрыгнула с кровати всем своим резвым детством.

Яблоки! Невиданной мною доселе красоты и так много!

«Папа! Папочка приехал», - пальнуло в голове. Миг, и я в горенке. Села тихонько на половичок у кровати, гляжу на спящего папу, а момент света

растёт, растёт. Такой вырос большой, что через всю мою жизнь его хватает, чтобы ощущать себя счастливой.

Так умеют любить неродные отцы и неродные дети.

Нюрушка уехать к нему не может – больная мать на руках. Изнурительный труд: утром на дойку, в обед в поле, вечером опять дойка, а со своим хозяйством ночь остаётся. Воют бабы, пьют мужики – обрубки войны. Тошно.

- Безотказная я в работе, - говорила она, как-то горестно. Безотказность эта была от бесправия после раскулачивания. Можно было бы только с коровами заниматься. Потягай-ка рученьками. Но приедет бригадир, Миша Стручков, попросит жалостно подсобить, и идёт она на очередную

работу. А соседка, нигде не работающая «по болести», ведро в руки и в лес или в тайгу за ягодами.

Как-то мама порезала большой палец правой руки. Катастрофа. Заменить некем, у всех доярок по двадцать своих коров.

- Доченька, подмогни. Подмогни, родная, - жалостливо просит, жалеючи и себя, и меня, и коров.

- Одной рукой целый день буду доить.

Я всегда и на всё соглашалась, только бы мама не плакала, тихо так, молча, рекой лились слёзоньки, будто долю-судьбину её хотели смыть. Доченьке уже четырнадцать лет. Высокая худенькая козуля, загоревшая на своём трудовом участке. Главная хозяйка дома, огорода и всей живности двора. Вертится колесо. Вот уже и дочку Нюрушкину закрутило. Едем на дойку утром рано, пока гнус не проснулся.

- Ты хорошенько выдаивай, не поспешай, а то коровкам в жару трудно будет ходить. Они, почитай, все с отёла.

Стараюсь. В этом мне отказать нельзя, только попроси или похвали, а тут роль серьёзной работницы доверена.

Мама на дойке (вторая слева)

- Ты хорошенько выдаивай, не поспешай, а то коровкам в жару трудно будет ходить. Они, почитай, все с отёла.

Стараюсь. В этом мне отказать нельзя, только попроси или похвали, а тут роль ответственной работницы доверена.

Раньше мама и слышать не хотела, когда я просилась с ней:

- За день дома накувыркайся. Да за бабушкой хорошо приглядай.

Я и приглядывала.

Бабы в деревне матерились наравне с мужиками. Наравне и работали, ну и наравне маты гнули. Но мне очень не хотелось, чтобы моя мама материлась.

Как-то противоестественно было это слышать. Просила, уговаривала, обижалась, ругалась, она отмахивалась, но щадила меня.

Вот в этот день, такой ответственный, дою очередную коровушку, Волгой кликали. Кто-то, видать, с Волги в Сибирь заехал. Знал красу, простор и силу этой реки. Такой была и молочная Волга. Высокая, широкая, бока, спина - хоть спать ложись. Рога длинные, с широким размахом, на гордой голове. Ко всему этому, она была спокойной – не сдвинешь, и очень легко доилась. Вот под этой красотой я сижу и наслаждаюсь. Надоила чуть-чуть неполное ведро. Приноровилась со скамеечки вставать, а она мне хвостом, таким же красивым, как сама, хлесть по глазам. И в этот же момент на мою зажмуренную физиономию и на всю меня – молоко. Сила перепуга была, как от ушата ледяной воды. Машинально провожу рукой по лицу, смотрю: от того, что увидела, кровь бухнула в голову, а злость во всё тело. В пустом ведре ни капельки молока. В нём стоит слоновая нога моей Волги. Стоит так, как будто там всю жизнь стояла, не шелохнется.

- Ах ты, подлая дрянь! Без всякого предупреждения, с... Другие предупреждают, крутятся, а эта б., - и продолжаю, матерю, матерюсь, а из-под соседней коровы мамин голос:

- Ну, как, доченька, теперь знаешь, что такое «допекло»?

Вертится, вертится колесо. Мамина зрелость и моё отрочество – это годы, наполненные жалостью друг к другу. Мамины слёзы – мои страдания. Полю огород, пасу гусей, пою свиней, встречаю овец, коров. Утишаю страдания бабушки, помогаю поесть, попить. Мама вечером уставшая вернётся с работы. Сил нет двигаться. Сядет на лавку, руки на колени положит и смотрит на нас с бабушкой. Я в утешение веду отчёт о проделанном. Бывает всё переделано, бывает, что-то не доделано. По-любому, сидит и плачет. Если не сделано, нет сил делать. Если сделано, дитя жалко, замучила. Единственную свою незаменимую помощницу она не посадила дома, не заставила бросить школу. Четыре класса в своей деревне, по седьмой в чужой за шесть километров, по десятый в дальней за сорок км с гаком. Любовь моих родных настолько была сильной, что я не могла без них. Домой бежала при любой возможности. Назад мама провожала, чуть не полпути несла мой мешок с продуктами: мороженым борщом, молоком, калачами. Потом одевала мне его на плечи и приговаривала:

- Бяги, моя родная, бяги. Учися. Ты умненькая. Нельзя тебе погибать.

Умолкала, слёзки начинали блестеть. Она скорее их в напутствие прятать:

- Ты тока не садися, када устанешь. Уснёшь – замёрзнешь. Спички взяла? Не приведи, Господь, они встретятся, бяги к зародам и поджигай. Не бойсь. Они огня боятся.

Волчьей стае посвящено стихотворение «Глаза - к небу», так сильно я их боялась.

...Ан, выкусите, вам не взять.

Сфинксами замерли...

- Если кто будет ехать на подводе, не стесняйся, попроси, хоть сумочку подвезти, с горки съехать. В горку же пяшочком бяги.

Где снег, где дождь, где грязь, где вода – всё мы с ней перебежали. Я - в кирзовых сапогах, а она – глазами следом, душой впереди.

Школу одолели. В институт «не сметь, отработайте два года». Такую правительскую подлость Нюрушка снести не смогла. Заколотила дом, немудрёные пожитки раздала, что за мелочь продала, закинула деревянный чемоданчик в кузов полторки. Посадила на него будущую студентку и так выписалась из колхоза, чтобы только дочь смогла вырваться на волю, учиться, и повезла к Кондрашеньке.

Вишнёвые садки Украины не радовали её. Она безумно хотела домой, в Сибирь.

- Нигде нет такой земельки, как наша.

Любила её и вернулась к ней.

В институт я уже не успела. Мама устроилась работать на засолочную базу, я ходила с ней, просто так, потом и меня приняли. Этот период работы длился всего несколько месяцев. Сезон закончился. Заведующий, Фурманов С.С., просит погрузить на тележку мотороллера всего понемногу: картошки, капусты, помидоров, огурцов, арбузов, дынь, яблок, какие-то банки с соленьями. Нагрузили – не сдвинуться.

Он подзывает нас с мамой и говорит: «Так как вы, кацапки, воровать не умеете, как это делали другие, я вас награждаю этой тележкой. Где вы живёте?» От неожиданности адрес не могли сказать. Он поцеловал меня, и мы пошли обогретые, с гордо поднятыми головами, со своего первого рабочего места. А домой хочется, как не обогреть. Люди в Славуте приветливо нас понимали. Разлука с мамой была моим безумием. С полгода приезжала к поезду, который увёз её.

В колхоз мама не вернулась. Устроилась рядом в городе Ужуре на пекарню. Хлеб по магазинам развозила. Тяжко, но не настолько, как в родной деревне.

Так выглядел ближайший к деревне город с домами, приплюснутыми к земле, и дорогами - бездорожье лучше.

Иван Карпович наш слегка на севере подженился. Нюре некогда было выяснять, «балясы точить» - дитёнка определять надо. Вот и разъехались.

- Галечка, - пишет она мне в письме. - Сватает меня тут Николай. Его жена помёрла и просила меня взять, чтоб дитям легче было. Ты как считаешь?»

- А папа?

- Дык он сошёлся с Тюльковской.

- Она ему чужая, а ты своя.

- Он меня не хочить.

- А ты откуда знаешь?

- Так сошёлся ж.

- Как сошёлся, так и разошёлся. Сколько он тебя лет ждал, пока бабушка была жива?

- Годов пять.

- Я рядом с тобой только папу представляю.
Бабушки нет, меня нет, лети же.

Как словом, так и делом, улетела в Норильск. Бывший военнопленный и кулачка на десять лет обрели на севере покой. В суровом краю они были свои среди своих. Сплошь и рядом – «враги» народа. Он работал на стекольном заводе, она - на кухне хирургической больницы.

***«К хорошим людям меня жизнь
определила»***

Север – край, в котором нет места лжи, фальши, предательству, обману, лени. Они вымерзают, выветриваются, а которые из них выживают, так «сурьёзные» обживали север, могли ножичком пощекотать. Ничего не оставалось, как в добро перейти. Поначалу

притворятся, а потом привыкнут и поверят, что они добрые. Хорошо б так по всей земле, видишь, не получается. Вместо ядрёного морозца идёт глобальное потепление – разогревает, размягчает, и оно, которому нет места на севере, размножается повсеместно и на севере сейчас в том числе.

В здорово бодрящий климат я притащила свои двадцать лет и близенько притиснулась к тёплому бочку кормилицы и поилицы.

В свою Сибирь родители вернулись пенсионерами. Ермаковы поселились в с. Ермаковском.

Жизнь в этот период была у них самая счастливая. За годы скитаний по городам они соскучились по земельке, а тут свой дом, свой сад-огород и своё собственное время. Этот дом в папиной жизни был первым его собственным, поэтому обустроивал с нерастроченной любовью. Первый собственный дом! Свой, купленный на заработанные деньги на севере. Больше он не примак ни у тещи, ни у государства. После плена долго сидел на лавочке под солнцепёком в колушке. В нём и пришёл в наш дом. Бабушка не хотела зятя – примака, а как вложила в него своё врачевание, так сразу люб стал. А врачевала она его своим методом: набрала щенят, запёрла их в стайке, кормила «с человеческого стола, - так называла она их еду, - пусть чистым жиром

обтянутся». На собачьем жиру готовила зятюку еду, из собачьего мяса блюда составляла, барсучьим жиром запивал. «Дырки в лёгких залить надо».

Я со слезами на глазах просила еду из папиного чугушка: у него вкусно.

Теперь, когда он полный хозяин и при деньгах с севера, стал обустривать уют. Разводили сады, клумбы, хозяйство. К ним любили приходиться люди. Зимними вечерами играли в карты, лото,

пели песни, лепили пельмени. Пишу и слышу их с мамой слаженный дуэт.

Мама на выставке цветов получала грамоты, подарки и к первому сентября дети знали, к кому надо бежать за букетом.

Мои приезды всегда шумно встречались. В начале ездила одна, потом вдвоём, потом втроём, а потом и вчетвером. В один из приездов, утром, проснулась и слушаю птиц. В открытое окно вижу папу. Срезал розу, бережно положил на руку и разговаривает:

- Красавица моя! Ты знала, когда надо распуститься. Доча наша приехала.

Ни в чьих руках в течение жизни не видела такого трепетного отношения к цветку, как в папиных. Вспомнился рассказ продавщицы из цветочного магазина:

- Дайте мне дешёвый букет, - просит покупатель.

- Вы возьмите один цветок, но дорогой.

- Для дешёвой женщины мне нужен дешёвый букет.

Я у папы была самой дорогой женщиной. А как до других, так я их по букетам проверяла.

Место вечного покоя папа выбирал себе сам:

- К памятнику Ванееву всегда ходят люди - рядышком, через ложбинку. И мне весело будет. А то тебя Галя увезёт, а я и кукуй тут один, а так буду с людьми, при салюте.

Не знал он, что все салюты и походы к памятнику революционера отменят.

Другие времена, другие нравы, но чья-то
неравнодушная рука кладёт цветочки
революционеру, усопшему столетие назад.

- Ты без меня не оставайся. Сразу уезжай, а то я
тебя знаю, будешь держаться за барахло, пока всё
рушиться не начнёт. Восстанавливать бабе одной
трудно. А может, ты у меня ещё и мужичка
приглядишь, - напутствовал и подшучивал.

Закончился мой отпуск, и закончилось
последнее наше с папой лето.

- Провожать нас не надо. Душно на улице. Не
ходи.

Простреленное лёгкое не работало, второе чуть
теплилось, но он посмотрел родным прищуром и
сказал:

- Ты уезжаешь – я тебя провожаю. Я уеду – ты
меня прилетишь провожать.

- Папочка, прости меня за всё, в чём была
плохой. Ты мой самый родной, самый лучший в
мире.

- Э, глупенькая. Я хороший, знаешь почему?

- Почему?

- Потому что твоя мамка родила хорошую
дочку.

- Ой, папа, ты всё шутишь.

- Не до шуток мне, доча. Я серьёзно. Не верь
никому, кто будет говорить, что ты плохая.
Помни, что папка тебе сказал, и не верь.

Сколько раз за жизнь тебе пытаются сказать, что ты бяка.

Как он знал, какие слова оставить, как благословение.

Автобус тронулся. Последний взмах его натруженной руки...

Через три месяца я провожала его. Маму забрать, как и предвидел папа, оказалось нелегко. И год прошёл, и памятник поставили, и цветов насадили, и уже не один раз прилетала. Пока мама не надорвалась одиночеством.

«Вылетай. Мама в безнадежном состоянии», - страшная, чужая телеграмма. Но это, слава Господу, был ещё не её час. Два месяца прожили с ней в больнице. Заново учились есть, сидеть, ходить. Наташа, внученька двенадцати лет, осталась жить с бабушкой. «Должен быть кто-то, чтоб воды подать», - вспомнила папины слова Когда начался развал Союза, я всё

думала: хорошо, что папа не дожил. Он-то не дожил, а она, перестройка-то, сама пришла на его могилу. Обожравшиеся жировали, а голодные, потеряв остатки морали, прибыли на кладбище грабить. Стальную пластинку, с выгравированными данными на папином памятнике, выкрутили на металлолом. Видно, не до конца безбожник грабил, портрет прислонил к могиле. Обросший травой, облезший от дождя и снега, папа смотрел одним уцелевшим глазом на меня, пытающую сообразить: туда ли я пришла.

Без папы, его мотоцикла, постоянного движения по хозяйству всё заросло травой, цветами, у мамы не было сил держать хозяйство. Ёлочка, которую дедушка посадил в честь рождения внучат, сейчас стоит высоченной свечой, взметнувшейся к небу. Удивительно, никаких разлапистых веток по сторонам, никаких отпрысков, от земли и до неба сохранила свою стройность.

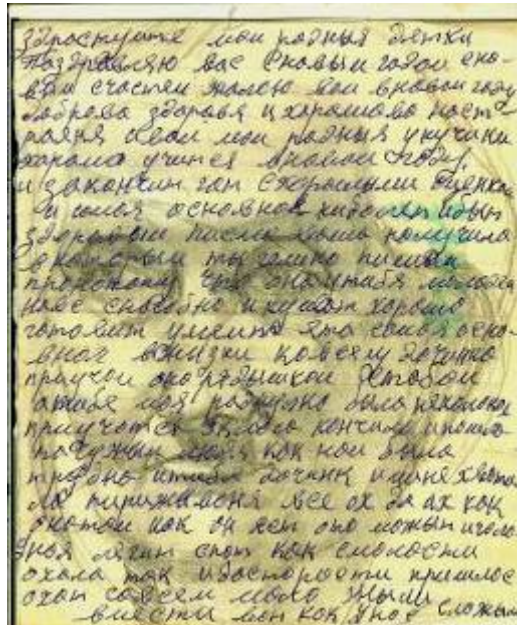
Мамины письма были успокоением – жива. Пока родители вдвоём, их дети - дети, уходит один из них, дети тут же превращаются в сплошную заботу об оставшихся в живых, меняют роль, из дети – в обереги.

Вот и получается, что ничто так не отрезвляет живущих на земле, как смерть. Без неё людское племя превратилось бы... страшно представить, во что превратилось. А она пасёт, и ничего не

остаётся, как оглядываться и торопиться подчищать себя в беге в никуда, не превратиться в ничто.

С двумя классами образования пришла Нюра во взрослую жизнь. Не знала она про эпистолярный жанр, да и про не эпистолярный не знала. А какие письма писала! Сплошные поэтические зарисовки.

Обучая детей письму, приносила я их в класс, как наглядное пособие. Внешне, они вызывали улыбку. Ни заглавных букв, ни красной строки, ни знаков препинания. А как только

начинала читать, зависало безмолвие. В душах детей медленно, но верно, поселялись любовь и тепло. Они слышали скрип снега под ногами, потрескивание смолистых дров, вдыхали запахи ядрёного морозного утра и свежеиспечённого

хлеба. Кот, мурлыкающий у её ног, просторное снежное великолепие Сибири в это время были рядом с ними. И безграничная любовь и забота матери о дочери.

Весной увезла во Львов. Перезимовали. И с перелётными птицами поднялась и моя мама. Сибирь же и дом кличут в обратную, напятную. Через год опять грузу контейнер и увожу опять во Львов. Только дом не остав-яю, загодя продала.

- Как это я, доченька, так спокойно ушла из дома и со двора? Ни защемило нигде, ни слезинки?

- Наверное, уже успокоилась и смирилась, - объясняю ложь. А правда в таблеточках, которые в суп подмешивала. На чужбине одна радость – Никиток-правнучек

Чтобы её не волновать, в пятикубовый контейнер было погружено всё: тряпочки, тарелочки, лопаты, топоры, грабли. Ненужное отлежало три года в подвале и, опаньки, сгодилось. Партия больше программ не пишет. Союза нет. Бегите куда хотите. Нам некогда вами заниматься, надо казну помогать грабить. Они грабят, а нас повсеместно бьют. Расея-матушка без союза-батюшки разгубилась. Губёшки развесила, и её дерут со всема разом. А нам по республикам досталось и за себя, и за того парня: драли всех разом и по отдельности.

Опять грузим контейнер. И подвальное имущество забираем с собой, так как вертаемся взад в Сибирь. Сибирь, слава Богу, есть, дома нет и родной деревни нет. Развитой социализм слопал. Родной оказалась та, в которой училась в средних классах. (которая под бочком у помёршей).

- Умереть бы мне на родной сторонке. Лежать бы мне рядом с моей мамочкой, - взывала Нюрушка с этим к Господу.

Но как же он мог не услышать такую преданность. Уже пятый раз взад вертаемся.

Она улетела раньше, до контейнеров. Звонок из Москвы:

- Тётя Галя, если баба Аня хочет в Сибирь, то я её заберу. Мы завтра улетаем.

«Валера, командир самолёта, звонит. Бесплатно повезёт к себе в Сибирь! Нет уж, Гальку не послушаюсь, полечу», - нашёптывала мама соседке.

Понимаю, что надо отправить, но за купоны только до Москвы можно долететь. С собой купоны не дашь. Собрали новые вещи, детских докупили, в сумку склали и наказ дали:

- Отдашь родным, продадут, тебе деньги будут.

Полетела обрадованная Нюрушка через разграбленный Союз в свою разграбленную, но не до конца, Сибирь.

Период Львовской жизни для неё был очень трудным. Тоска. Очереди. И дочь её сломалась,

живёт в безнравственности. Последнее было самым больным.

Из первого письма: «Поглядела я тут, дочурка, подумала. На Украине давно выветрелся наш дух. Сто годов, как в Сибири. Чё лепиться-то. Вримена идут чижолые. Симья у нас разрослась, большая, а опереться не на кого. Кормилец-внучек ишшо молодой, завалим, так будет сутками рисовать. Тут же наши все живут крепко. Нас не забыли, наведываются. Люди чуют опасность. Особенно сейчас.

Растягивают из колхоза, нет, не колхоза, а опчества акцинеров, всё, ком кому. Нам же нужна только земелька. Иё тут, сама знаешь, сколько хошь. У нас же с тобой нигде не гроша, как у латыша. Всё сподобились, отобрали. Двадцать пять тысяч забыть им не могу».

С этими деньгами у неё был покой на душе, когда она жила во Львове, до 90 года.

- Мамочка, живи спокойно. Твоих денег хватит тебя похоронить в Сибири, можно будет за них несколько раз свозить туда и обратно.

- Ты всё ошаряйся, смиёся.

Она верила и знала, что так будет.

Тут же, вскорости, новый грабёж своего народа организовали, опять кулаченье.

Лечу в Сибирь - или заберу маму, или сама останусь. Мама всех подготовила к агитации. Ей нашли немудрёненькое жильё, зато огород

большой, печка русская. Мне есть работа и моим детям угол будет. Даю согласие. Вот в этом месте надо остановиться поподробнее. Сибиряки старой закваски заслуживают того, чтобы о них сказали отдельно.

Начинается новый день в Нюриной жизни.
Идём

утром белить её новое жильё в старом бараке. Зашли, было открыто. Только комнатёнку глянули, управляющий привёз замок, чтобы было чем примкнуть. Не успели поклониться ему, как слышим: «Тпру, стой».

Подвода
подъехала.
«Тут вот,
девки, я вам
струмент
привёз:
скрябки, кисти,
тряпки», -
выкладывая,
говорил дед
Иван.

(В шали баба Таня Сенченко)

- Потом вот Татьяна передала вам молока и мёда.

От избытка чувств хотела обнять его, да постеснялась. Напрасно. Это была наша с ним

последняя встреча. Только поклонились ему.
«Тпру, стой».

И в комнату, тяжело дыша, заходит Василь. Ульяна прислала хлеба, курицу и ещё что-то. Подруга маминой юности занавески принесла. Кто-то матрац, кто-то кровать, кто-то одеяло с подушкой. Всех не упомянула я, а она помнила и была благодарна. К вечеру было всё чисто, уютно. У протопленной печечки сидела моя старенькая мамочка обессиленная, уставшая, с тяжкой думой на челе - опять гнездо вить...

Улетаю в ночь и молю Бога сберечь её. В такие горестные минуты я ничего не могу сказать положительного о своей стране. Я только жалею людей, кто слабее нас. Если с такой силой выживаемости, как мы, не получается пожить по-человечески, то что же говорить о них, не умеющих?

Отсюда пьянство, безысходность и отчаянье. Прививка на выживаемость нашему роду была сделана, видать, в седых столетиях.

Осенью прилетаю с Никитой первая, дети к Новому году приедут.

Моей мамочке 73 года.

С весны до осени поднятое ею хозяйство для детей:

В палисаднике вместо крапивы - малина.

Во дворе - ковёр зелёной травы.

И курочки кокококают.

В огороде грядки: чеснока, лука, моркови, свёклы, капусты. Трехлетний Никита спокойно сажался и сидел на вилке капусты, а из середины рядом растущей угощался.

Картошка обрадовалась отдохнувшей земле, трепетно заботливым рукам, растёт, старается. Дождалась Ньюрушка своих детей, да ещё зиму им обеспечила.

Слышим в наши дни крылатые фразы: «самостоятельность», «свобода личности», «собственный выбор», «никто никому ничего не должен»... Должен, ещё как должен!

Поганый век и люди, кому как повезёт? Знаю одно: если перед человеком совесть его бежит, - хороший человек, и ему не надо всех крылатых, вернее, понятий с крылышками. Совесть сама путь кажет.

После смерти папы Ивана мама стала восприниматься мною маленькой, старенькой, больной и немощной. Я даже не почувствовала, как приняла заботу о ней на себя. Совесть отшвырнула капризы дитя перед матерью и включила все системы защиты материнской жизни. Только тогда я не очень ощущала, что такое её большое одиночество. Жизнь же мудра, теперь знаю.

Шесть лет грузенской жизни были для нашей семьи успешными только потому, что руководила нами мама.

Без
неё в крестьянском труде мы были бы пародией.

- Только и
умеете
оговариваться, -
ворчала она,
справедливо
укоряя.

- Бабушка
идёт! - и все
срочно
хватались за
работу.

- Ой, ой,
поглядите, люди
добрые, на них.
Тока что

тиливизер или магнитофон гремел. Таперь всё
тихо, и сопят работнички, - когда смеялась, а чаще
сердилась на всех за нерадивое отношение, как ей
казалось, к крестьянскому труду.

Куручки так её любили, что «гулять» на
лавочку, когда такое случалось, выходили вместе
с ней

- Матка с работы придёт и управляться
побягить, а вы висилитися.

И шла во двор, начинала помогать «матке», которая всегда была солидарна с детьми, а не с ней, к сожалению.

- Мама, но пусть посидят, пусть будет так, - укоризненно журила я.

- Пусть загоняют тебя твои дети, потом вспомнишь меня, да поздно будет, - отрубала она и уходила к себе домой.

Опять же, чтобы не сидеть без дела.

Достала жизнь нас и тут. Только стали все работать, получать деньги, обживаться, как стране нашей денег не хватило. Мало, у нас отобрала. Перестала всем сразу платить. Хочешь, живи, хочешь, помирай. Сгруппировались. Работу на благо дяди дети побросали, начали работу на себя. Кто шьёт, кто вяжет, кто свиней выращивает. Цепляемся за жизнь. Картошки, второго хлеба насаживали по несколько пустующих огородов.

Во дворе три коровы, три бычка, двадцать восемь свиней с поросятами, куры, кролики. Двор по размерам был маленький, а то ещё чего-нибудь завели бы.

Дума думная омрачила её последние годы – любимый правнучек Никита заболел. Первые шаги делать научила она его. Нагрузит столик на колёсиках игрушками, и он везёт!

Дети разлетелись. Нам бы с ней жить в покое. Так нет, серьёзно заболел внук. Я нужна дочери, которая уехала с надеждой вылечить ребёнка в

Израиле. Я нужна старенькой маме, оберегавшей все мои 54 года на земле. Я распята.

И вот слышу в каждодневной маминой молитве одну и ту же просьбу:

- Прибери меня, Господи. Развяжи моей доченьке руки. Отправь мои косточки на покой к маме. Не дай Бог, чтоб меня ещё раз в чужую страну волокли.

Не знала она никакой «метафизики», «субстанций», «мысль материализуется» и прочего. Она запланировала свой уход и ушла с Божьей помощью.

И к уходу готовилась так же основательно, как, вылезая из-под колёс истории, всё заново и заново строила свою жизнь. Всего припасала впрок, чтобы поминать было чем.

А дочь унеслась в город с очередным заданием от детей. Хорошо, когда женщина играет роль матери на земле. И плохо, когда роль матери играет женщиной.

- Када ты приедешь?

- Не знаю, - отвечаю поспешно и раздражённо.

- Пока всё не сделаю.

Поцеловала и пошла. Но чувствовала, что не так надо было поговорить с мамой. Проходя мимо дома по тротуару, я увидела, как она прошла чуть по ходу, потом остановилась в какой-то нерешительности. Растерянно потопталась, как что потеряла, потом развернулась и, вяло

передвигая ноги, пошла к крыльцу. Это было наше прощание навсегда. У меня был порыв окликнуть её, но автобус сигналил. Я перекрестила её, сказала: «Храни тебя Господь», и побежала. Мама не видела этого, но Господь об этом знает. И это смягчает моё недовольство собой и вину перед мамой.

Вернулась утром следующего дня, а ночью у мамы инсульт. Лежит живая, но первый раз безучастная к моей судьбе. «Отмахнулась» от меня, как я от неё перед отъездом. Двенадцать дней её жизни подарил мне Господь, видимо, пожалел. Я успела походить за ней, рассказать ей всё, о чём раньше не говорила. Выплакивать прощение за непростительную грубость. Утром шестого октября, в одиннадцать часов утра вышла в другую комнату... И стремглав кинулась назад. Я просила её не уходить, когда меня не будет рядом, вот она и «позвала» меня, громкими глубокими вдохами без выдохов.

Видно, смерти стало меня жалко – помедлила, и я увидела последний мамин вздох.

Смерти бояться не надо, она сама обречена быть вечным пугалом, к ней готовиться надо.

И очень важно, чтобы в момент ухода родного или близкого человека, знать, что делать с его телом. О душе Господь позаботится. Я была спокойна, потому что тётя Таня Сенченко напровожалась за свою жизнь через край и никого

не подпускала, пока не обрядит. В тяжкие первые часы подставляла надёжное плечо страдающим.

- Так, детка, не бойся. У нас же всё готово, и мы знаем, что делать. Помнишь, что плакать и кричать в этот момент нельзя? Не напужай своим стенанием душеньку. Задержится, и тело будет мучиться, и душа.

Чёткое выполнение её «инструкции» казалось чем-то обязательным и обыденным. Закрывает маме глаза, поцеловала с мыслью: «пока тёпленькая», и позвонила. Бадажёк поспешно стучал по тротуару. Строгое лицо, деловой тон сгорбленной сухонькой старушки протолкнули мой комок в горле, вдруг подкативший при виде родной души. Начали мыть и обрядить. В её действиях - свой порядок и своя очерёдность: сложить рученьки, связать ноженьки, подвязать подбородок... Взяв ватные тампоны, она сказала:

- Раз ты, Нюрушка, не можешь сама больше обихоживаться, то я тебе подмогну – прокладки сделаю у нужных местах, ты у мене будешь ляжать, как картинка.

Я смотрела и суетно подправляла, вроде как помогала. Подробности можно было и опустить. Можно было, только наше поколение безбожников: ни покрестить, ни отпеть не может, и передать дальше нечего. Так пусть это будет своеобразным памятником ушедшему поколению, умеющему и передающему.

Для мамы всегда было важно, «что люди скажут». Они и сказали. Пока сидела у гроба, не следила, кто пришёл, кто ушёл и сколько. А на запруженной людьми улице я как проснулась. Каждый, кто только мог, пришёл и приехал проводить Нюрушку «в родную земельку рядом с мамой». Вокруг была её Сибирь и сибиряки. Плохо старалось, государство, как ни разлучало - не разлучило с родиной и страной. Она сильнее, чем оно.

Прилепилась Нюрушка к своей земельке и к мамочке. Сибирская земля с любовью помнит работающие руки этих женщин, и теперь милостиво охраняет их покой.

Хорошо возвращаться в прошлое,
Когда мало тобою прожито...

Ты попробуй, пойдя, когда нет впереди
Тех, кто ждал и ушёл ожидаючи,
Где погосты стоят, не пройти – обойти,
Где родные твои у земли взаперти.